

Тем не менее, автор замечательно справляется со своей творческой задачей, раскрывая для нас мир геологов и геодезистов, фанатичных искателей приключений с полностью вырванными из родной среды корнями — и суровых, закаленных жителей степей. Это мир скромных героев и антигероев, в котором на первый план выступает противостояние слабого человека всемогущей стихии, а люди, просто созданные друг для друга, возможно, и рожденные для того, чтобы быть вместе, обречены идти навстречу своему счастью окольными путями, в обход, увязая в болоте или продираясь сквозь песчаную бурю.

Проза Светланы Забаровой — абсолютно вневременная, ведь точно такие люди, с такими ценностями, укладом и взглядами на жизнь, могли существовать и века назад. Тем интереснее то, что герои — наши современники, о которых мы ровным счетом ничего не знаем. Вневременность (или всевременность!) литературы является одним из признаков того, что ей суждено стать классической, преодолеть своего рода «естественный отбор», когда из груды книг, написанных на конкретном временном интервале, остаются лишь несколько (остальные отправляются в макулатуру и забываются уже следующим поколением). У книги «Сигналы» есть все шансы уцелеть в этом отборе, ведь там, на фоне экзотики, раскрываются для читателя вечные ценности, понятные и узнаваемые.

Поиск, становление, возмужание, любовь, преданность своему Делу, любовь к родине, с ее самобытной природой и укладом — разве что-то может быть более ценным и вечным?

Сергей Макке

Стихи

Сергей Макке (литературный псевдоним Сергея Балабонова, выбран в память родовой фамилии) — физик-теоретик по образованию, кандидат физико-математических наук. Работал в Институте Ядерной Физики АН СССР, руководитель IT компании, создавшей одну из первых серий мультимедийных программ и дисков для выставок Государственного Эрмитажа и продолжающей постоянно работать с музеями и театрами Санкт-Петербурга.

Вступительное слово

Новая рубрика «Отражения» оказалась весьма многогранной благодаря ее автору, переводящему на язык поэзии произведения визуальных видов искусств (кино, театра, живописи).

Эстетизировать то, что и так высоко эстетично — непростая задача. В процессе ее выполнения Сергей Макке задействует образность, творческое воображение, играя на самых чувствительных струнах нашей души.

Стихи, приведенные в рубрике данного выпуска, посвящены театру.

Театр как Жизнь — или Жизнь как Театр?

Кто мы: щепки брошенные в воду, или марионетки, управляемые кукловодом, — а может, строители на той реке плотин?

Эти, а также другие вопросы ставит перед читателями автор.

Расплывчатое прошлое и весьма хрупкое настоящее сформируют непредсказуемое будущее. Не зная будущего, мы создаем его из своих фантазий...

Вам наверняка интересно будет познакомиться с фантазиями Сергея Макке.

Александр Мелихов

Гамлет

Рецензия на спектакль Юрия Бутусова
по трагедии Шекспира «Гамлет»

Театр им. Ленсовета

«To be or not to be» — различны переводы,
Звучат по-разному, но смысл всегда один.
Кто мы? Лишь щепки, брошенные в воду,
Иль на реке создатели плотин?

«Конец страдания — и в смерть...», и безвозвратно,
И в смерть, как в сны, поправ земную твердь,
Забыв заранее, как было здесь занято
Не жить, а «...сны в смертельном сне смотреть»...

А может — жить, как жил, не лицемерив?
Продлить все тяготы земного бытия,
В реальность справедливую поверив?
Здесь Гамлет — женщина, но все же это — я...

Пир свадебный, а пироги — с поминок,
И в хрустале флакона — белена.
Гертруда в преступленьях неповинна,
Но в башмаках не стоптана вина.

Все в Эльсиноре похотью покрыто.
Скрип ложа преданного короля...
Здесь совесть продана, достоинство убито
(Конечно, в Дании — не там, где ты и я).

Офелия полна мещанской скуки,
Полонием наученная жить,
Безумьем Гамлета и горечью разлуки.
Что ей осталось? Лишь веночки вить...

Здесь дружба продается за бесценок,
Любовь не стоит пары золотых.
И, избегая Гамлета коленок,
Офелия — среди плакучих ив...

Сцены из спектакля «Беглец»

Сцены из спектакля «Гамлет»

Бутылок стук со звуком колоколен,
Стена стекла меж мертвых и живых,
Могильщик, кладбище и череп...
Бедный Йорик!
Три зеркала без отражений в них.

Вокруг — бессилье мелочной эпохи,
«Все язвы и изъяны бытия».
«Слова, слова»... Шекспировские строки.
Здесь Гамлет — женщина, но все же это — я...

«Боль нелюбви, закона промедленье,
Властей высокомерные плевки» —
И на подмостках Гамлета явление...
Подмостки сложены, наточены клинки.

Гнилые доски, брошенные косо,
Тень от меча на крашеной стене...
Найдутся ли ответы на вопросы?
Возможно, что ответят — но не мне.

Гибель Вишневого сада

*Гибель «Вишневого сада»,
или «Три сестры» и «Дядя Ваня»
после ухода Юрия Николаевича Бутусова
из Театра им. Ленсовета*

Нам стало внезапно не важным
Безвременности лихолетье,
Театра кораблик бумажный
Увозит в другое столетие.

Там были бароны, управы
И тройки стояли у входа.
Там верят, что сменятся нравы,
В России наступит свобода.

Мы были немножечко странны
В своих устаревших нарядах,

Когда говорили пространно
Среди опустевшего сада.

Мы были немного смешные,
Хоть мыслили нетривиально
О судьбах своих и России,
Проблемах планеты глобальных.

О том, что история — штука
Со свойством событий повтора.
Что, может, и наша наука
Есть лишь оправдание вздора.

И было желание работать,
Вставать и трудиться с рассветом.
И капли соленые пота
Нам манной казались при этом.

Усадьбы, поместья, наделы,
Община, миряне, указы.
Империи старой пределы
Трещали по швам раз за разом.

А мы разливали в бокалы
Вино и немного надежды,
Смеясь, как ни в чем не бывало,
Как будто вокруг все, как прежде.

Но роли у нас эфемерны,
И наши театры — чужие.
Судьба — уходить планомерно
С любимых просторов России.

Распродана вся на участки
Усадьба «Вишневого сада»...
Но так удивительно сладки
Мгновения предкамнепада...

Беглец

*Рецензия на спектакль Айдара Заббарова
по повести Толстого «Казачьи»
Театр им. Ленсовета*

Уехать на Кавказ — к черкесам!
Хоть это, право, моветон,
Хоть юнкером, на рубку леса,
Чтоб враг не прятался среди крон.

Уехать на Кавказ — к чеченам!
Купить ногайского коня,
Кинжал и саблю, непременно
Дамасской стали, стремена...

Уехать на Кавказ — к казакам!
Где на миру и смерть — не грех.
Там, на пороге полумрака,
В горах хоронится абрек.

У Пушкина — в цыганский табор,
У Льва Толстого — в казаки...
И отыскать природной правды
В станице терской у реки.

Пытаться обрести пространство,
В котором жизнь имеет цель,
В любви казачки — постоянство,
А в дружбе — минимум потерь.

И отдавать все дни охоте,
Усталым приходить в ночи,
В казацком быте, как в работе,
Найти от счастья ключи.

Война и дружба, кровь и водка,
С вином баклаги, жажды страсть...
Смелые казачки, а не кротки,
Любви сладка свободной власть.

Два мира встретились на сцене.
Какой из них был ближе мне?
Мир казаков, где всадник в пене,
И ты — герой, коль на коне?

Диагональ дощатой сцены
Все разделила пополам.
Мой мир столичный полон лени,
Там все понятия — книжный хлам.

Я осознал несовместимость,
Антагонизм тех двух миров.
Абрек убит! Скажи на милость,
Кто посягнул на его кров?

Начистив сабли до предела,
Пролив вино, прогнав свой страх,
Он подкрепляет слово делом.
Мне до него, до сцены — шаг.

Макбет. Кино

*Рецензия на спектакль Юрия Бутусова
по трагедии Шекспира «Макбет»
Театр им. Ленсовета*

Шотландский дождь смывает сердца кровь,
Но не очистят капли рук от липкой саж
Тому, кто ночью бродит вновь и вновь
По комнатам, где кровью царство нажил.

Пушай все в праздник шутят и галдят,
И дружно пьют за короля Макбета,
Но призрак Бьянко ловит его взгляд,
Хоть он не верит ведьминым сюжетам.

Взлетевший сокол был совой убит,
И жеребцы, взбесившись, рушат стойла.
И кажется, что крепостной гранит
Трещит средь шума царского застолья.

Он может быть сильнейшим из вождей,
Единственным избранником народа,
Но с каждым днем все признаки ясней:
То на него войной идет природа.

Жужжанье мух и морось с облаков,
И меч в тоске не вытащить из ножен...
Ломают стол и разрушают кров
Тот, кто на троне царствовать не должен.

Бирнамский лес ведет на Дунсином
Макдуф — герой, рожденный нестандартно...
Как он далек от нас — и близок нам, —
Сюжет, что был проигран многократно!

Дядя Ваня

*Рецензия на спектакль Юрия Бутусова
по пьесе Чехова «Дядя Ваня»
Театр им. Ленсовета*

Пропала жизнь: мы в пепле, нет возврата,
Проедена в страданиях страна.
На сцене дом, в нем счастливо когда-то
Семья жила... Осталась боль одна.

Что впереди? Два срока до кончины?
Тринадцать лет не знаем, как прожить.
Во всем уезде были два мужчины,
Способные все это изменить...

На сцене — двери, мусор, неустройство,
На авансцене — зависть, похоть, быт...
В речах профессора — самодовольство,
Бахвальство и бессилие сквозит.

Все говорят в пространство без надежды
Под непрерывный барабана стук.
И пустота царит здесь, как и прежде,
И пошлость царствует в заламываньи рук.

Любви не будет, молодость пропала,
Надежды растворились в суете.
Мы вышли в свет без праздничного бала,
С застывшей маской муки на лице.

Все сокрушаемся: судьба сломала,
Не сделали, забыли, не смогли...
И, слыша неумолчный рокот вала,
Мы топим жизнь, сжигаем корабли.

Вейо Балтцар: 50-летие творческого пути

Валерий Попов

*Идея мультикультурного общества
в творчестве Вейо Балтцара*

В этом году мне удалось познакомиться с финским писателем Вейо Балтцаром. Первая встреча произошла в Хельсинки, вторая — на организованной им конференции в Вильнюсе в финском посольстве в Литве.

Привожу фрагмент своей речи, сказанной на церемонии открытия.

Я горячо поддерживаю идею мультикультурного общества, которую так активно продвигает писатель и общественный деятель Вейо Балтцар. Я наглядно вижу возможности такого сотрудничества, поскольку вырос и живу в одном из самых мультикультурных городов мира — Санкт-Петербурге. Его непревзойденная красота создана представителями не основного нашего (русского) народа, а итальянцами, французами, англичанами, швейцарцами. Это Трезини, Расстрели, Монферран и другие. Когда они приехали в Россию, они даже не знали русского языка. А теперь их имена знамениты, их бюсты стоят на площадях, ими создан город, который притягивает все национальности Земли.

Летом я жил в пригороде, в Царском Селе. Одним из лучших его украшений является чудесный китайский городок. Невский Проспект, главный проспект Петербурга, демонстрирует рекорд веротерпимости: на нем находится голландская церковь, финская церковь, лютеранская кирха и католический костел. За Невой поднимает прекрасные голубые минареты знаменитая мечеть, построенная, кстати, польским архитектором-католиком.

Санкт-Петербург не был бы так прекрасен, если бы строился представителями одной коренной национальности. Можно сказать, это уменьшенная модель мультикультурной Европы, какой она должна быть, в соответствии с идеями Вейо Балтцара. Наш город по-прежнему многонационален, и в нем, к счастью, и сегодня нет этнических конфликтов. Наверное, это потому, что Петербург — замечательный памятник мультикультурного сотрудничества, который любой человек с душой не захочет разрушать.